

Мифологический персонаж *škrat* у словенцев Надижской и Терской долин: мифологизация душ нечистых покойников в фольклоре и верованиях итальянско-словенского пограничья¹

Мария В. Ясинская

Članek analizira mitološke predstave o škrtih med Slovenci v Beneški Sloveniji (Nediške in Terske doline) v Italiji v primerjavi s predstavami o teh bajčnih bitjih v Sloveniji in med njihovimi romanskimi sosedi – Italijani in Furlani. Pomembna lokalna značilnost škrtov v Beneški Sloveniji je njihov izvor iz duš dojenčkov, ki so umrli pred krstom. Ta značilnost določa tako funkcije kot tudi habitate teh likov, pa tudi zaplete mitoloških zgodb o njih. Povezava škrtov z nemirnimi dušami se krepi s prepričanji o njihovi povezavi z vremenskimi pojavi. Na frazeološki ravni (tako v literarnem jeziku kot tudi v narečjih) se škrti povezujejo z neposlušnimi, nagajivimi otroki.

KLJUČNE BESEDE: Slovenci v Italiji, demonologija, škrti, obmejna folklor, Nadiška dolina, Terska dolina, nekrščeni umrli otroci

The article analyzes the mythological concepts of škrti (gnomes) among the Slovenes of the Natisone and Torre Valleys in Italy, against the backdrop of representations of these supernatural beings in Slovenia, as well as among their Romance neighbors – the Italians and Friulians. A characteristic local feature of škrti in Slavia Friulana is their origin from the souls of infants who died before baptism. This feature determines both the functions and the habitats of these characters, as well as the plots of mythological stories about them. The connection of škrti with the unclean dead is reinforced by beliefs about their association with weather phenomena. On the phraseological level (in both literary language and dialects), škrti are associated with unruly, mischievous children.

KEYWORDS: Slovenes in Italy, demonology, dwarfs, *škrat*, folklore of borderland, Natisone Valley, Ter Valley, children died without baptism

ВВЕДЕНИЕ

Лингвисты, этнологи, фольклористы и культурологи, исследующие зоны пограничных контактов и островные ареалы, не раз приходили к выводу, что именно на периферии

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

лучше всего сохраняются архаичные черты как в языке, так и в традиционной культуре, тогда как инновации, как правило, развиваются из центра (Толстой 1999: 10). Именно в островных анклавах, отрезанных от основного лингвокультурного массива, сохранение архаики обусловлено необходимостью самоидентификации в условиях иноэтнического и / или иноконфессионального окружения (Плотникова 2016: 5). С другой стороны, на лингвокультурном пограничье неизбежно присутствуют явления межъязыковой и межкультурной интерференции. Именно эти процессы оказывают влияние на формирование тех или иных систем – как языковых, так и относящихся к области традиционной народной культуры, например, системы мифологических представлений, народной демонологии.

Словенские диалекты и традиционная народная культура словенского этнического меньшинства, проживающего на территории Италии в регионе Фриули-Венеция-Джулия, давно привлекают внимание исследователей, поскольку они являются самыми западными языковыми и культурными диалектами словенского и вообще славянского мира, граничащими с миром романским (Бодуэн де Куртенэ 1904; Baudouin de Courtenay 1988; Matičetov 2022; Zuljan Kumar 2015, 2022, 2022a; Merku 1980; Merku 2004; Logar 1983; Smole 2001; Špehonja 2012; Ivančič Kutin 2018; Ježovnik 2020, 2022 и др.). Славянское население в данном регионе является автохтонным и живет на этих землях уже с VI–VII вв., соседствуя с романскими народами – фриулами и итальянцами. В условиях длительного и постоянного соприкосновения с романскими языками, словенские диалекты данной зоны изобилуют контактными явлениями: заимствованиями из романских языков на всех языковых уровнях, переключениями кода на итальянский язык (Пилипенко 2016; Пилипенко 2023), наблюдаются также и контактные явления в сфере духовной культуры, в том числе и в области народной демонологии. Например, словенские кривопеты – женские мифологические существа, характеризующиеся вывернутыми задом наперед ступнями, – имеют много общих черт с фриульскими аганами (ангуанами) (Ivančič Kutin 2018: 20; Kropelj 2008: 229), в области демонологической лексики встречается много романских заимствований (напр. *št'rija*, *štri:ja*, *št'ri:ya* ‘ведьма, колдунья’ из ром. – фриул. *strie* ‘ведьма, колдунья’, ит. *strega* ‘то же’ – Bezljaj 2005: 120; ОЛА 10: 107; Zuljan Kumar 2022a).

В настоящей статье речь пойдет о мифологическом персонаже, именуемом *škràt*², – персонаже типа гнома (ср. пол. *krasnodudki*, нем. кобольды и пр.), широко известном западным и южным славянам, а также многим европейским народам. Будут рассмотрены особенности данного персонажа, характерные для поверий и мифологических рассказов, бытующих в Венецианской Словении, на фоне словенских представлений о гномах. Мы попытаемся выделить локальные черты данных демонов, а также сравним их с аналогичными персонажами, известными у романских соседей, – фриулов. Материалом для исследования послужили как данные из уже опубликованных источников, содержащих поверья и мифологические рассказы,

² В качестве метаязыкового названия в статье будет использоваться наименование «шкрат», чтобы не путать данного демона со сходными персонажами типа гномов.

собранные в разные годы у словенцев в Италии (Nicoloso Ciceri 1992; Tomasetig 2010; Merku 2004; Balloch 2018; Stanonik, Potočnik 2020), так и собственные полевые записи, выполненные в период с 2017 по 2022 гг. в ходе серии полевых исследований, проведенных в Венецианской Словении (в Терской и Надижской долинах³) (Пилипенко, Ясинская 2018; Пилипенко, Ясинская 2023).

ИМЯ ПЕРСОНАЖА

Основное наименование персонажа, как уже было сказано выше, – *škràt* – происходит из др.-в.-нем. *scrato* ‘лесной демон’, что родственно с др.-сканд. *skrat(t)i* ‘лесной демон, великан’ (Snoj 2023: 729). Также встретились варианты: *škret (tistkrat so ywerile škret, mi dijmo škret (LC))*, и уменьшительные – *škratjac, škrakjac, škretič, škratela*. В «Материалах» Бодуэна де Куртенэ из долины Натизоне зафиксировано наименование *škrábec (škrátec)* (Baudouin de Courtenay 1988: 66). Другое наименование, встречающееся преимущественно у словенцев Терской долины, – *škarifič*. Оно мотивировано существительным *škarifa*, имеющим в терском диалекте значение ‘шапка, чепчик’ (Matičeto 2022: 218; Kropej 2008: 258). Подобная номинация мотивирована тем, что одной из важнейших внешних черт персонажа является наличие красной остроконечной шапочки на голове. Ср. также наименование *kapič* (от *kapa* ‘шапка’), отмеченное в области Гориции и на словенском Приморье. В Резии аналогичный персонаж называется *vedomec* и *budekič*, в долине Натизоне встречаются наименования *fantič* (Kropej 2008: 263), *fantinac* (Верхний Трибиль; Tomasetig 2010: 211), происходящие из ит. *fante* ‘мальчик’ (Snoj 2003: 147), что объясняется также внешним сходством демона с ребенком (по признаку маленького роста). Любопытно, что все наименования шкрата относятся к мужскому роду, шкратов-девочек нам не встретилось ни в этнографической литературе, ни в живом бытовании.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК

Как упоминалось выше, основной внешней чертой шкрата является маленький рост: *májhen ku otròk* [маленький, как ребенок]. Эта характеристика вошла и в словенский литературный язык: шкратом в переносном значении стал называться человек маленького роста (экспресс. *zelo majhen človek: proti meni je pravi škrat* [очень маленький человек: по сравнению со мной он настоящий шкрат] (SSKJ, s.v. *škrat*)). Характерным признаком шкрата является наличие красной конусообразной шапочки на голове, и вообще часто подчеркивается присутствие красного цвета в его одежде (ср. у поляков сходный персонаж даже получил наименование *krasnoludek*, мотивированное его основным цветом одежды): *Su ywerile, ke su méjhane, su bli*

³ Словен. Terske doline, Nediške doline, ит. Valli del Torre, Valli del Natizone.

obličene rdějčo an de miéle cappuccio tu zad, su miéle te gnommi! [говорили, что они маленькие, были одеты в красное, и у них была шапка сзади, у этих гномов] (ЛС). По представлениям словенцев, зафиксированным в материковой Словении, частым атрибутом шкрата выступает синий или зеленый фонарик (огонек), который тот держит в руках. В редких случаях представляли шкрата, летящим по воздуху и несущим фонарик. Согласно некоторым верованиям, шкрат может иметь бороду и выглядеть стариком (единичные свидетельства об этом встретились и в Венецианской Словении). Иногда он представлялся хромым или горбатым (физическая неполноценность является характерной чертой многих демонов, что подчеркивает их хтоническую природу), или же с нарушенными телесными пропорциями – несооразмерно короткими или длинными конечностями, большими ушами, глазами (Кропей 2008: 258). В Резьи сохранились свидетельства о том, что шкрат выглядит растрепанным человечком маленького роста, поэтому детям говорят: *Si skuštran kot škarifič!* [Ты растрепанный, как шкарифич (шкрат)] (Кропей 2008: 263).

Как и многие мифологические персонажи, шкрат у словенцев наделяется способностью к оборотничеству: он может показываться в виде различных животных (черного кота, жабы, теленка), человека (шахтера) или в виде природных объектов (огонька, горящей кометы, грозových вспышек). Если человек столкнется с таким огнем, он может заболеть. Похожие верования о шкратах-огнях известны также фриулам: они выступают под именами *fuoc salvarego*, *fuoc salvari*, *fuoc voladi* «дикий огонь», *fogolari* и многие другие (Кропей 2008: 263; Nicoloso Ciceri 1992: 465).

МЕСТА ОБИТАНИЯ (ЛОКУСЫ) ШКРАТА И ЕГО ФУНКЦИИ

В целом, шкратов у словенцев можно отнести к духам локусов, хотя набор этих локусов может быть чрезвычайно широк. У словенцев, как и других славян, выделяется множество типов шкратов, различающихся между собой как местом обитания, так и набором функций. Так, М. Кропей выделяет *горных* (подземных) шкратов, связанных с рудниками (хранители скрытых в земле сокровищ); *лесных* (древесных) шкратов, ведающих лесом, деревьями, выступающих покровителями диких животных; *водных* шкратов, сопряженных с водой и рыбами; *полевых* шкратов, которые помогают человеку при полевых работах и ожидают дар за свою помощь в виде миски с кашей или другой пищи (на горных пастбищах также жили шкраты, они показывались перед пастухами и пугали их); а также *домашних* шкратов (духов-покровителей дома), обитающих в доме возле очага или под порогом. Идея о том, что шкраты могут представляться духами локусов и причинять различный вред людям, работающим в этих локусах, – лесникам, шахтерам, кузнецам, пекарям и др., нашла забавное продолжение в шуточном употреблении слова *škrat* применительно к печатке в тексте: шут. *v zadnji številki nam je ponagajal tiskarski škrat*: ‘je tiskarska napaka, so tiskarske napake’ [в последнем номере у нас нашалил типографский шкрат: ‘есть печатка, печатки’] (то есть в типографии якобы тоже могут обитать свои шкраты, которые творят бесчинства, вызывая печатки

в тексте) (SSKJ s.v. škrat). Шутки и вредительство шкратов, адресованные ремесленникам различного рода при выполнении ими работ, нашли отражение также в современных авторских сказках, например, сказка С. Макарович «Škrat Kuzma dobi nagrado» (Makarovič 1974).

Домашний шкрат в некоторых локальных традициях мог выступать и в качестве духа-обогатителя, приносить в дом деньги или зерно, однако за свою службу он требовал высокую плату – душу хозяина, его жены или ребенка. Для того, чтобы шкрат превратился в духа-обогатителя, необходимо заключить с ним договор, подписанный кровью, а он за это обеспечит человеку богатства. Чтобы шкрат принес деньги, нужно было положить на окно один золотой, и тогда шкрат бы вернул целый мешок золота. Но иногда недоброжелатели могли подменить золотой на камень, репей, дохлую кошку, и в таком случае шкрат навалил бы целый дом этих предметов, и хозяину был бы нанесен урон (Kropelj 2008: 258–267). Отголоском представлений о шкрате, приносящем богатство и служащем своему хозяину, является тот факт, что в литературном языке об удачливом человеке говорят: *menda mi pomagata sam škrat* [как будто ему помогает сам шкрат] / как восклицание: *o ti škrat ti* [ну ты и шкрат!] (SSKJ s.v. škrat).

Соответственно, местами обитания шкратов могут быть, с одной стороны, рудники, пещеры и расщелины, сырые места в лесах и горах, а, с другой стороны, дом (особенно такие локусы в доме, как очаг, порог), кузница, мастерская сапожника и другое «очеловеченное» пространство. Они появляются в тумане, в темноте или при свете, летом они спят в стогах сена. С приходом христианства шкрат, как и другие персонажи низшей мифологии, стал ассоциироваться с нечистой силой, чертом (словен. лит. *hudič*). Этому способствовали также представления о местах обитания шкрата – подземельях, которые стали отождествляться с преисподней. Так в словенском литературном языке слово *škrat*, согласно SSKJ, может выступать в литературном словенском в качестве эвфемизма к слову *hudič* ‘черт’ (SSKJ s.v. škrat). С большой долей вероятности можно сказать, что лексема *škrat* выступает в качестве эвфемистического замещения слова *hudič* ‘черт’ и в контекстах, приведенных в предыдущем абзаце, так как аналогичные фразеологизмы широко распространены в словенском языке и имеют множество вариантов: например, *biti s hudičem / od hudiča* [быть с чертом / от черта], *komu sam hudič pomagata* [кому-либо сам черт помогает], *pečati se s hudičem* [знаться с чертом] и т.п.

СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО ШКРАТАМИ

Чтобы расположить к себе горного шкрата, шахтеры оставляли ему горшочек с едой и каждый год клали красное платье. Если он мешал работать стуками, ставили алкоголь, чтобы он напился и больше не стучал. Спасти душу человека, продавшего ее шкрату-обогатителю, может только священник. Часто говорится о том, что лесные шкраты нападают на человека, если тот нарушает запреты: смеется, ругается,

клянется или свистит в лесу, пьет из шахты. Они могут завести его в лес, и, если повезет, тот очнется на другой день в каком-либо опасном месте на краю гибели. Шкрат может заглушить эхо, сделав его неслышным. Избавиться от козней шкрата можно, перекрестившись (Kropej 2008: 258–267).

То есть, в основном, шкраты выступают как вредоносные существа, однако могут и помогать человеку: подсказывать, где скрыты клады, где пролегают жилы руды, приносят человеку деньги и богатство.

ЕДИНИЧНОСТЬ / МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

Для жителей Резьи и Венецианской Словении (Надижской долины) характерно представление о том, что шкраты (рез. *vedomci*⁴) могут показываться в дикой природе группами в виде маленьких человечков (детей) в красных шапочках или одетых в красное (*v ardečin obliečeno*), они лезут вверх и вниз по деревьям и камням, ходят и танцуют на протянутой веревке (Tomasetig 2010: 201), перемещаются по воздуху, скачут: *biežta damu, ki go po mosticju okuole cirkve je puno Škratjacu, ki skačejo* [бегите домой, потому что на мостике около церкви полно шкратов, которые скачут] (Tomasetig 2010: 206).

ГЕНЕЗИС ШКРАТОВ (ВЕНЕЦИАНСКАЯ СЛОВЕНИЯ)

Если на происхождении шкратов, выступающих в качестве духов локусов, в поверьях и мифологических рассказах о них акцент не ставится, то верования, сохранившиеся у словенцев в Италии, характеризуют шкратов скорее не как духов локусов, а относят их к комплексу представлений о духах-скитальцах. Согласно свидетельствам, записанным в Надижской и Терской долинах, **шкраты происходят из душ детей, умерших некрещеными**, в том числе в результате выкидышей и аборт, душ убитых незаконнорожденных младенцев (представления о том, что шкратом может стать десятый ребенок одного и того же пола в семье, родившийся в сорочке или в «красной шапочке» на голове или же ногами вперед, представляются скорее вторичными). Данный комплекс верований бытует до сих пор, что подтверждается лексическими данными, вошедшими в словарь: надиж. *skr'at* m. 'ребенок', 'подвижный ребенок', 'озорной', 'пацан', 'гоблин' (*bambini morti prima della nascita*) (Špehonja 2010: 251), а также находит отражение в многочисленных поверьях и мифологических рассказах: *škrat je otrok, ki nie biu karščen* [шкрат – это ребенок, который не был крещен] (Tomasetig 2010: 198); *otroc ne karščeni so ratal*

⁴ В словенских мифологических представлениях *vedomci* – души умерших до крещения младенцев, которые показывались в виде блуждающих огоньков; также это существа, которых рожали женщины после семи или девяти лет беременности, их можно было опознать по отсутствию волос на теле, мутным глазам, сросшимся бровям. Эти мифологические персонажи выступали противниками кресников, сражаясь с ними за урожай (Kropej 2008: 332).

škрати anta so muorli tarpiet an plantat po sviete an čakati, kda bo njih rešitov, konc sveta al na vien kej [некрещенные дети становились шкратами и должны были страдать и блуждать по свету и ждать, когда будет их избавление – конец света или не знаю что] (Tomasetig 2010: 200); *ki so umarli brez žegna, brez karsta, ki so miel an prestor poseben v britofe, ki niso mogli bit zagrebeni h tin družin, ki so bli karščeni* [те, которые умерли без благословения, без крещения, у которых на кладбище было свое особое место, потому что они не могли быть похоронены рядом с теми другими, которые были крещены] (Tomasetig 2010: 200); *Alore ilatā škretić, je pravala, da so bli otroci, ka niso bli krščeni, ka so bli zapuščena, niso miel dušice* [итак, эти шкратичи, говорили, что это были дети, которые не были крещены, которые были брошены, у них не было души] (Balloch 2018: 242). Эти дети не могли найти себе упокоения ни в раю, ни в аду, ни в чистилище: *zaradi tega, k' niso bli krščeni, niso bli kristjani, niso mogli iti v nebesa an niso mogli iti v paku. An tu vica niso mogli iti* (Tomasetig 2010: 202). В книге А. Томазетич приводится быличка, в которой убиенные матерью дети говорят ей: *šest nas je, zaki s' nas udušila? Smo mogli bit angelci an smo hudičici* [нас шестеро, зачем ты нас удушила? Мы могли быть ангелочки, а мы чертенята] (Tomasetig 2010: 221).

Такие шкраты часто вызывают у взрослых рассказчиков не страх, а жалость: *an su bli takuo žalostni, nišo nardil nič sláveya* [и они были такие грустные, они ничего плохого не делали] (АТ). Подобное суровое посмертное наказание ни в чем не повинных детей трактуется современными рассказчиками как несправедливое: *Anta Buog, namest mame, je štrafu otroke, de so paršli Škratjaci na sviet* [И Бог, вместо мам, наказывал детей тем, что они превращались в шкратов] (Tomasetig 2010: 206). В одном из мифологических рассказов жители деревни видели шкратов на горном пастбище, они были одеты в красное, залезали на высокий камень и падали вниз. Один из свидетелей восклицает: «Дьявол должен день и ночь преследовать тех ведьм, которые рожают детей и потом их выбрасывают» (*Tiste štrije, ki rodijo otročiče an jih varžejo, tiste, de b' jih zluodij preganju*) (Tomasetig 2010: 199).

Описанную выше разновидность шкратов можно отнести не к духам локусов, а к душам-скитальцам, обреченным на вечные странствия, потому что они не могут после смерти отправиться ни в рай, ни в ад, ни в чистилище: *so ostal tle na telin svietu an tle na telin svietu se plantajo nimar* [они остались на этом свете и здесь на этом свете блуждают] (Tomasetig 2010: 202). В быличке, записанной А. Томазетич, повествуется о том, как одна женщина встретила шкрата, в это время зазвонил колокол, шкрат сказал: «Да, звонишь, но не для меня, да, звонишь, но для меня не звонишь» (Tomasetig 2010: 202). Вообще в ряде текстов подчеркивается связь шкратов с колокольным звоном. Представление о шкратах как некрещенных младенцах развивается в следующем сюжете, записанном П. Мерку в Стармице в 1969 г.: мальчик, пасущий коров, встречает шкрата, который помогает ему, а затем сообщает, что он его брат, в доказательство дает фартук и просит передать его матери. Мать при виде фартука приходит в ужас, потому что вспоминает, что в этом фартуке когда-то похоронила своего нежеланного ребенка. По совету

священника она не надевает фартук, а вешает его на липу, после чего в липу ударяет молния⁵.

Мотив попадания молнии в дерево, обвязанное фартуком, в который был завернут убитый и похороненный младенец, нашел отражение еще в одной быличке, записанной А. Томазетич в Гримакко: *je biu adan, ki je saldu biu okuole ne žene. An kar je biu daž, okuole nje so padale vse strele. Anta gaspuod je jau: – Biež po tist viertuh, ki s' ga nesla podkopavat, an loži ga oku nega dreva. Ona ga j'diela an potle je triešnilo tu tele drier an od tekrat strele nieso vič padale oku nje* (Tomasetig 2010: 208). Речь идет об одной женщине, за которой все время ходил шкрат и вокруг которой всегда ударяли молнии, когда была гроза. Священник сказал этой женщине взять фартук, в котором она похоронила ребенка, и привязать его на дерево, тогда молния ударила в это дерево, а около женщины больше не били молнии.

⁵ *Je blu t-u 'ni vasi, so kráve pásli. Alóra je šu otročič – dvánajst liet – kráve past. Je bla 'na vriža, na túca, an vihá, k' je t'elo úse nésti. Tel otrók je teų zmárzniti 'o par kráfcah. Jóce, jóce san an pride te-h njemu dan škrát.*

»O ti« *jau*, »kaj juóčeš?«

»An mráz mi je.«

»Počákaj, je za d-u tólo vas« *jau*, »ti parnesén« *jau* »o iz a kuríva« *jau*. *Ánta pride d-u tólo vas an je zibála na žená stára nega otroká t-u zibi'eli. Te ni moų úzi'eti vejáve. Télega túkaj za se ošcipáti tel škrát télega otroká, je začéu jokáti otrók, tála žená je šla dol k otrokú, je úzézú tólo infomejávó anta jo j' nésu. Pride gor, mejávó j' parnésu, je zakúrou ogín.*

»Res,« *je jau* »ti,« *jau*, »vidiš, sen tuoj brát!«

»Jej, jas niman brátra!«

»Pač, jas sen tuoj brát. Le,« *j' jau* »tel virtuh daš mámi an dej ga vržtá predsê!« *Anta j' šu, kadar se j' zagréu, tale j' šu, poten se j' zgúbu.*

Pride damú tel otročič: »Čaj, mama!« jau »jas man še ênega brátra!«

»Ne, ni'emaš!«

»Pač, pač!« *jau* »dúgo je par mené bių, ogín zakúru« *jau* »an tel je dau še virtuh« *jau*.

Ánta téla žená se j' ustrášila, rěčie gaspu'odu: »A, gaspu'od,« žala »ka bi se gájajala, ankrát s' jéla, san ubíla otroká an tu virtuhu zavíla« jala »an je dal mujmú sinú tel virtuh, da ga bon nosíla.«

»Ne!« *j' jau* »lozi ga h tísti lípi, privéži tu no lípo« *jau* »an biešta deléc do njej!«

Je šla 'o h lípi an šla an drúge lít je zvezála tel virtuh ánta na jásnin se j' ustrelilo an... ? ... lípo, virtuh, úse kúp (Starmica) [Это случилось здесь в одной деревне, пасли коров. Итак, шел мальчик 12 лет пасти коров. И поднялся шторм с градом и ветром, который бы вот-вот всё унес. Этот мальчик бы замерз возле коров. Он плакал, плакал, и пришел к нему один шкрат. «Эй ты, – сказал, – почему ты плачешь?» – «Мне холодно». – «Подожди, я пойду в деревню и принесу тебе что-нибудь сжечь», – так сказал. Он спустился в деревню, а там старуха убаюкивала младенца в колыбели. Он не мог взять хворост, чтобы сжечь. Тогда он ушипнул этого младенца, и тот начал плакать. Женщина спустилась к ребенку, шкрат взял несколько веток и ушел. Он поднялся наверх, взял ветки и развел огонь. «Видишь ли, – сказал он, – я твой брат» – «Нет, у меня нет брата!» – «И всё же я твой брат!» «Смотри, – сказал он, – дай матери этот фартук и пусть она его наденет!» И потом он ушел, когда развел костер, и исчез. Пришел тот мальчик домой: «Знаешь, мама, у меня есть еще один брат!» – «Нет, у тебя нет!» – «Да вот есть, – сказал он, – он долго был со мной, развел огонь и вот еще дал этот фартук». И тогда та женщина испугалась и сказала священнику: «Святой отец, когда-то я убила сына и завернула его в фартук, и теперь он дал моему сыну этот фартук, чтобы я его надела». – «Нет, – сказал священник, отнеси его к той липе, привяжи к ней и убегай». Она подошла к липе, привязала на нее фартук и на фоне совершенно ясного неба в липу ударила молния] (Meršk 2004: 224–225).

КОМУ ЯВЛЯЮТСЯ ШКРАТЫ (ВЕНЕЦИАНСКАЯ СЛОВЕНИЯ)

Если шкраты – духи локусов могут показываться всем людям, оказавшимся в том или ином месте, то шкраты в Венецианской Словении часто являются детям, а особенно девочкам (Терская долина), а также своим родственникам (матери, которая когда-то избавилась от нежеланного ребенка). Шкрат часто выступает как персонаж, которым пугают детей (наряду с кривопетами и иногда другими мифическими существами), чтобы они не ходили одни в лес или в горы, не выходили на улицу после наступления темноты, после того как прозвонит колокол: *na hodita oku ponoč, prideju škrati an vas ponesijo* [не ходите наружу ночью, придут шкраты и вас унесут] (Tomasetig 2010: 200); *če te ušafa Škrat te ponese če v Ručafca! – nan so guoril. An mi se smo nimar bal* [если тебя найдет шкрат, то унесет тебя в Ручафца! – нам говорили. И мы всегда боялись] (Tomasetig 2010: 225).

ФУНКЦИИ ШКРАТОВ (ВЕНЕЦИАНСКАЯ СЛОВЕНИЯ)

Как уже было сказано выше, функции и набор действий шкратов различаются в зависимости от представлений о месте их обитания. Шкраты в Венецианской Словении не выступают в качестве духов-покровителей локусов и не имеют строгой привязки к тому или иному месту. Обычно они появляются в неосвоенном, чужом для человека пространстве, в основном это дикая природа (лес, горы, луга и пастбища⁶, овраги и расщелины). Иногда встречаются объяснения, что шкрат может появляться в том месте, где был брошен убитый младенец: *Je bla na patučna, kar je biu velik daž, je paršlo no malo uode da po teli patučni, an do po teli patučni nimar je hodu Škrat. Morebit je biu an otrok varžen cja brez bit karščen, zavaržen an zatuio učefan al pa ubit* [Был один ручей, и когда был сильный дождь, туда стекало немного воды, и по этому ручью всегда ходил шкрат. Может быть, туда был брошен некрещенный ребенок, задушенный или убитый] (Tomasetig 2010: 202). Однако они могут оказываться и вблизи жилища, свидетельством чему являются поверья и мифологические рассказы (например, в приведенной выше быличке шкрат приходит в дом, чтобы украсть хворост). Основной функцией шкратов в Венецианской Словении является причинение мелкого вреда (*dušpiete* – в долине Натизоне, ср. ит. *dispetto* ‘досада’): *škrat su tisti mikani no, su mikani, takole možaci mikani, ki priju wun kar, kar ja tamá se zb(i)eraju an hodiju okuole dušpiéte dielat, samé dušpiete* [шкраты – это такие маленькие, ну, они маленькие такие человечки, которые появляются в темноте, собираются и ходят вокруг вредят, только вредят] (VC). Они переворачивают предметы, бьют посуду, съедают пищу человека, смеются над ним (в качестве их звуковой характеристики может выступать смех (Tomasetig 2010: 205) или плач (Tomasetig 2010: 215)), оставляя в дураках (*kar su ušafal*

⁶ Пастбище в этом контексте может играть как роль неосвоенного человеком пространства (наряду с оврагами, горами, расщелинами, лесом), так и может выступать в качестве потенциального места встречи ребенка с его нерожденным из-за детоубийства сиблингом: известно, что на пастбищах старшие дети обычно присматривали за своими младшими братьями и сестрами, пока родители работали.

lonce zvarnjene an ubite, su guoril, de su bli Škrataci [когда находили перевернутые и разбитые горшки, говорили, что это были шкраты] (Tomasetig 2010: 218)). В Терской долине в 2017 г. нам удалось записать быличку о том, как шкраты заплетают гривы коням⁷ (ср. воловьих хвосты заплетает фриульский демон *Mazzarot* – Nicoloso Ciceri 1992: 437). Они также заводят детей в лес: *so jih pejal deleč od vasi, an ta so jih pustil, a to jih njesu ubili, njesu naredil slavo, ma su jih pejal deleč, an potle tisti od vasi so jih yledal, su jih ušafal* [они (шкраты) их заводили далеко от деревни и там бросали, не убивали, не делали зла, то только их заводили далеко, и потом деревенские их искали] (АТ). В этом отношении шкраты в Венецианской Словении довольно безобидны, как правило, они не причиняют человеку и его окружению тяжелого вреда⁸ и даже

⁷ *Tolá je véro, tola je štorja. Právceca tále je riéšna, nije právceca! Ma máma an ji sestrá, ma máma je miéla trinást liét, an ji sestrá je miéla tri manj, ke desét. Niéso spále tu w naši híši, zak je bla velika družína, so hodíle spat tu no dríryo kámbriu blíz. Zjútra so wstále, an te ospodár, ke je biw zdol, jaw, Fráncka se je klicala ma máma: Fráncka, príde yliédat u hliéve. Oná je vidala, de je muw dwuá konjá, su bli dwua kónje, ke su wuezile owés an senúe, viéš, rečí, ke su prodájale. Ni blo ciéste. Saj viém, ku maš, maš dwua konjá, je jála, momó iti damów. Ma pridíta, jaw, ke če ne, me ne bo májden viéruw! So šle nóter, so bli dwuá kónje, dwua kónja, an so miéle kríne! Viéš, ka so? So miel njuh kríne, wse kítece mále mále! Tih se ni moyló odplesi! Takó so ble nárete! Ma tóle je riéšno! Ma máma an nje sestrá se je ustrášila buj, ke je bla buj méjhana: Técimo, técimo! Ma máma je bla buj velika, viéš, je šla buj blíz za vidate: Lahkó se móra iti blíz, de me ne cábne oní konj? Ja ja! je jaw, prid, potipi, potípi! Je jála: Joj, če kítece méjhane! An so šle dow, ne, ustrášene. Ma kej je naréduw, káko so narédele te kítece? Antá je šla dow damów, je poviédala: Máma, biéži yor yliédat, je jála, konji majú oné kítece. Ma dai! Je jála, ne práve tu, ke ni je za právet! Máma, biéži yliédat! Biéži yliédat, če ne, ne bo májden viéruw, j' jála, an je bluó riéšno! Zad drírye dan te konjé so miéle kítece odléte, so miéle wse a onde viéš, alóra so šle yliédat. Konjé so prez kítec, éko, tuvá je riéš! Ma máma mi je nimer právla, téta Maříja, ta, k' je bla, je jála: Guada, quešto è vero! Je jála: Non so, non so! Oní: Abbiamo visto io e tua mamma! Májden ne vérje. An drírye dan so miéle wse odléte, ciélu nuóč je diéluw. Tistkrat so ywerile škret, mi díjmo škret! Su ywerile, ke su méjhane, su bli obliécene rdéčo an de miéle cappuccio tu zad, su miéle te gnommi! [Эта – правда, эта история. Сказка правдивая, не сказка! Моя мама и ее сестра, моей маме было тринадцать лет, а ее сестре было на три года меньше, десять. Они не спали в нашем доме, потому что была большая семья, они ходили спать в другую комнату, близко. Утром они встали и хозяин, который был внизу, Францка было имя моей матери, (сказал): «Францка, иди посмотреть в хлев!» Она знала, что у него было два коня, были два коня, которые возили овес и сено, знаешь, вещи, которые продавали. Так как не было дороги. «Ведь я знаю, что у тебя есть, есть два коня», сказала она, «мы должны идти домой». «Но пойдите», сказал он, «иначе мне никто не поверит!» И они пошли внутрь, были два коня, у них была грива, и все косички, маленькие-маленькие! Их нельзя было расплести! Так они были сделаны! Но это правда! Сестра моей мамы испугалась, она была меньше. «Бежим, бежим!» Моя мама была старше, она подошла поближе, чтобы разглядеть: «Можно подойти ближе, чтобы меня не лягнул конь?» «Да-да! Подожди, пощупай-пощупай!» «Ой», сказала она, «какие маленькие косички!» И они спустились вниз испуганные. Но что он сделал? Откуда взяли эти косички? И она шла домой, сказала: «Мама, беги наверх посмотреть», сказала она, «у коней косички!» «Ты что», сказала (мамина мама), «не говори то, что нельзя говорить!» «Мама, беги смотреть! Беги смотреть, иначе никто не поверит», сказала она, и это было правда! На следующий день у этих коней косички были расплетены, у них все было волнами, знаешь. Они пошли посмотреть, кони без косичек! Вот, это правда! Моя мама всегда рассказывала, тетя Мария, та, которая была, говорила: «Смотри, это правда!» Она говорила: «Не знаю, не знаю. Мы с твоей мамой видели!» Никто не верит, а на другой день у них у всех было косички расплетены. Целую ночь он работал. Тогда говорили шкрат, мы говорим шкрат. Говорили, что они маленькие, что они были одеты в красное, у них была шапка сзади у этих гномов] (LC).*

⁸ Лишь в одном из рассказов, записанных в Терской долине (Массаролис), коровы, столкнувшиеся со шкратом, погибают через некоторое время: *kar smo paršli če v planino, gor smo vidli nega otroka. Krave so pogledale če v telega otroka an so se uarnile nazaj damou. Anta tu dvie lieta so vse krave krepale* [когда мы пришли на горное пастбище, наверху увидели одного ребенка. Коровы посмотрели на этого ребенка и вернулись домой. И потом в течение двух лет все коровы пали] (Tomasetig 2010: 210). В другом рассказе из Массерис коровы также возвращаются домой, встретившись со шкратом (Tomasetig 2010: 224).

могут помогать детям (например, шкрат спасает ребенка, оказавшегося его братом). Исключение составляют те случаи, когда шкрат пытается отомстить своей матери за то, что она его лишила жизни.

В Венецианской Словении встретилось единичное свидетельство о домовом шкрате, живущем при доме и помогающем по хозяйству, об этом нам рассказала наша собеседница, сообщив, что в их доме жил такой шкрат по имени Дулука, которому обязательно нужно было оставить пищу, иначе он начинал творить бесчинства, например, мог сбросить сажу на пол: *mi tle smo miéli énega škrátaca tu, ki je várval hišo <...> naš škrat se klíče Dulúka <...> ka smo bili mikane, če su pádle sáje dol, náša máma nam je jála, je škrat ki je vargl dol téle sáje, zak mu níesta pustíl... se je mórlo nímar kiek pustít za jest télemu škrátu* (АТ) (при этом она сама отметила, что их домашний шкрат не имел ничего общего с духом некрещеного ребенка, то есть, по ее мнению, шкраты бывают разными). Шкратов в других функциях в Венецианской Словении отмечено не было ни в опубликованных источниках, ни по данным наших полевых исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, тема нечистых покойников является стержневой в представлениях о шкратах в Венецианской Словении, она определяет и круг лиц, кому может показываться шкрат, и функции и действия, которые данный демон совершает, а также набор сюжетов мифологических рассказов о шкратах (при этом основным локусом обитания этих персонажей по-прежнему остается лес, труднодоступные места, пещеры и расщелины). В этом смысле данный локальный вариант шкрата стоит особняком на фоне представлений о шкратах как о духах локусов, характерных для многих регионов материковой Словении.

Особый интерес в связи с темой нечистых покойников представляет **связь шкратов с погодой**, четко прослеживаемая в поверьях и мифологических рассказах из Венецианской Словении. В Терской долине встречаются свидетельства, что шкраты показываются перед ненастьем: *Pouno judi so pravili tuole, ke ta škarific e se parkazou škuaže simpri prej kuj ne hude ure* [многие люди рассказывали, что шкарифич (шкрат) почти всегда показывался перед бурей] (Stanonik, Potočnik 2020: 142). Согласно некоторым поверьям, сами шкраты и являются причиной грозы, непогоды: *j' pravla, de teli tle niso bli požegnjeni otroc an de so nasreče, tuče, slavo uro, nagnojbe dielal* [говорила, что эти дети не были крещены, и они приносили несчастья, град, непогоду, вредили] (Tomasetig 2010: 207). Иногда в данных контекстах речь идет о встречах с группой шкратов, а не с единичными мифологическими персонажами, однако это наблюдение требует дальнейшего исследования на большем количестве примеров. Характерным является и то, каким образом шкрат наказывает свою мать – рядом с ней ударяет молния, молния бьет в дерево, к которому привязан фартук (ср. широко известную всем славянам связь нечистых покойников с непогодой, грозой).

Другой характерной чертой является **сопоставление шкратов с детьми**, которое проникает во фразеологию как диалектную, так и современного словенского литературного языка: так, слово *škrat* и его производные в переносном значении стали применяться к непослушным, склонным к шалостям, слишком подвижным детям: *skràkiac* m. — «шалунишка» (Špehonja 2010: 251). В одном из текстов, посвященных шкратам в книге А. Томазетич, рассказчик подтверждает, что со шкратами в настоящее время сравнивают слишком подвижных детей: *donašnji dan se die Škrakjac, kar otrok je žiu an gre v luht: — Si ku Škrakjac!* (Tomasetig 2010: 208). В словенском литературном языке у слова *škrat* также присутствует это значение (экспресс. *непослушный ребенок, neposceda: pri hiši ni več miru, odkar imato tega škrata* — SSKJ s.v. *škrat*). Однако здесь трудно предположить логическую цепочку, ведущую от шкратов, происходящих из некрещеных младенцев: видимо, основную роль здесь все же сыграли такие черты шкратов, как их маленький рост, напоминающий рост ребенка, а также их любовь к шуткам и шалостям. В современном словенском языке наименование ребенка шкратом носит даже ласкательный характер и выражает доброе к нему отношение, при этом не обязательно речь идет о непослушном ребенке, скорее обыгрывается его непосредственность, некоторая избалованность, которая, впрочем, не оценивается негативно. Во многом подобной трансформации значения способствовали современные авторские сказки для детей, где шкрат выступает как положительный персонаж.

В Венецианской Словении встретился рассказ о том, что против шкратов и непогоды, которую они приносят, помогла процессия во главе со священником, благословившим шкратов и тем их успокоившим: *so pravli, de an mož j' šu pred precesijo, k' nesu križ žegnan an de ta s Stare Gore go do Gorenj Tarbij jih je videu pet. An jih j' deu če h kraju an gaspuod jih je požegnu. An potle nie bluo vič slave ure, j' bluo dobro* [говорили, что один мужчина шел перед процессией, который нес святой крест и по дороге со Старой Горы до Верхнего Трбия видел пять шкратов. Он их отстранил к краю дороги, и священник их благословил. И потом больше не было плохой погоды, все было хорошо] (Tomasetig 2010: 207).

Венецианско-словенские **шкраты имеют параллели во фриульской и итальянской народной демонологии**: это персонажи фриул. *Mazarot* (*Mazzarot*, *Mazzariùl*) и ит. *Boborosso* (букв. «красный дьяволенок»). Сходными чертами обладает венецианский мифологический персонаж *Sanguanello*: он так же похищает детей, но не обращается с ними плохо (Nicoloso Ciceri 1992: 442). Эти персонажи характеризуются и похожими внешними признаками: маленьким ростом и наличием красной шапочки (преобладающим красным цветом в одежде); эти демоны также причиняют человеку мелкий вред, смеются над ним (часто им приписывается такая звуковая характеристика как смех), они заплетают гривы лошадям и хвосты волам. Так же, как и словенские персонажи, они могут служить для устрашения детей, чтобы те не ходили в опасные места (соответственно, встречаются дидактические рассказы о том, как эти персонажи уносят детей в свои пещеры). По мнению исследовательницы А. Николозо Чичери, данные сходные черты свидетельствуют о параллельном немецком влиянии и на культуру фриулов, и на культуру словенцев в

регионе Фриули-Венеция-Джулия (ср. аналогичных персонажей и у других славян: поляков, чехов, словенцев в других регионах). Однако, более глубокое изучение словенских и конкретно венецианско-словенских представлений о шкратах в контексте романских и германских представлений об аналогичных демонах представляется весьма перспективным.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы видим, что в Венецианской Словении шкраты не просто являются духами локусов, на первый план выступает их генезис: происхождение из якобы душ младенцев, умерших без крещения, что и определяет, в конечном счете, и функции, и локусы обитания данных персонажей, а также сюжетику рассказов о них. Связь шкратов с нечистыми покойниками подкрепляется представлениями об их связи с погодными явлениями, а также, возможно, фразеологией, стойко ассоциирующей непослушных, шалящих детей со шкратами. Все это позволяет предположить, что данные верования могут быть довольно архаичными, несмотря на их позднейшую христианизацию.

ИНФОРМАНТЫ

АТ – жен. 1952 г.р. Сарценти (Надижская долина), зап. в 2019 г. Г. Пилипенко, М. Ясинской.
 ЛС – жен. 1934 г.р. Платискис (Терская долина), зап. в 2017 г. Г. Пилипенко, М. Ясинской.
 ВС – муж. 1944 г.р. Понтеакко (Надижская долина), зап. в 2017 г. Г. Пилипенко, М. Ясинской.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Бодуэн де Куртенэ, Иван А., 1904: *Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии: Pt. 2. Образцы языка на говорах Терских славян сѣверовосточной Италиі*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук [Baudouin de Courtenay, Ivan A., 1904: *Materialy dlya yuzhnoslavjanskoj dialektologii i etnografii: Pt. 2. Obrazcy yazyka na govorah Terskih slavyan severovostochnoj Italii*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk].
- Пилипенко, Глеб П., 2016: Итальянские заимствования в речи словенцев (провинция Триест). В: О. В. Хаванова (отв. ред.), *V: История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова*. Москва: Ин-т славяноведения РАН. С. 593–607. [Pilipenko, Gleb P., 2016: Ital'yanskіe zaimstvovaniya v rechi slovencev (provinciia Triest). In: O. V. Khavanova (ur.), *Istoriya, yazyk, kul'tura Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy v nacional'nom i regional'nom kontekste: k 60-letiyu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN, 593–607.]

- Пилипенко, Глеб П., 2023: Переключение кода в речи носителей надижского и терского диалектов словенского языка на территории Италии. В: Пилипенко, Г. П., Ясинская, М. В. (отв. ред.), *Национальные меньшинства альпийско-паннонского региона: очерки по языку, культуре, истории*. Москва: Институт славяноведения РАН (в печати). [Pilipenko, Gleb P., 2023: Pereklyuchenie koda v rechi nositelej nadizhskogo i terskogo dialektov slovenskogo yazyka na territorii Italii. In: Pilipenko, G. P., Yasinskaya, M. V. (ur.), *Nacional'nye men'shinstva al'pijsko-pannonskogo regiona: ocherki po yazyku, kul'ture, istorii*. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN (in print).]
- Пилипенко, Глеб П.; Ясинская, Мария В., 2018: Экспедиция к словенцам в Италии. *Славяноведение* 1, 106–111. [Pilipenko, Gleb P.; Jasinskaja, Marija V., 2018: Ekspediciya k slovencam v Italii. *Slavyanovedenie* 1, 106–111.]
- Пилипенко, Глеб П.; Ясинская, Мария В., 2023: Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года). *Славяноведение* 3, 81–94. [Pilipenko, Gleb P.; Jasinskaja, Marija V., 2023: Kontaktnye yavleniya v sfere yazyka i tradicionnoj kul'tury u slovencev doliny Natizone i Tera (po dannym ekspedicii 2022 goda). *Slavyanovedenie* 3, 81–94.]
- Плотникова, Анна А., 2016: *Славянские островные ареалы: архаика и инновации*. Толстая, Светлана М. (отв. ред.). Москва: Ин-т славяноведения РАН. [Plotnikova, Anna A., 2016: *Slavyanskije ostrovnye arealy: arhaika i innovacii*. Tolstaya, Svetlana M. (red.). Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN.]
- Толстой, Никита И., 1999: О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии. В: Толстой, Никита И., *Избранные труды* (Т. 3). Москва: Языки русской культуры, 10–30. [Tolstoj, Nikita I., 1999: O sootnoshenii central'nogo i marginal'nyh arealov v sovremennoj Slavii. In: Tolstoj, Nikita I., *Izbrannye trudy* (Т. 3). Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 10–30.]
- Balloch, Bruna, 2018: *Lučice na oknah: naš sviet pouan naposebnosti / il nostro mondo pieno di meraviglia*. R. Dapit, L. Trusgnach, D. Zuljan Kumar (ur.). Čedad / Cividale del Friuli: Kulturno društvo / Circolo di cultura Ivan Trinko
- Baudouin de Courtenay, Ivan A., 1988: *Materiali per la dialettologia e l'etnografia slava meridionale: Vol. 4. Testi popolari in prosa e in versi raccolti in Val Natisone nel 1873 / Materiali za južnoslovansko dialektologijo in etnografijo: Vol. 4. Ljudska besedila v prozi in verzih, zbrana v Nadiških dolinah leta 1873*. L. Spinozzi Monai (ed.). Editoriale stampa triestina; Centro studi Nediža.
- Bezljaj, France, 2005: *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Četrta knjiga Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan. M. Snoj, M. Furlan (ur.). Ljubljana: Založba ZRC.
- Ivančič Kutin, Barara, 2018: *Krivopete: divje žene z nazaj zasukanimi stopali v slovenski folklori*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Ježovnik, Janoš, 2020: *Slovenski jezik v Videmski pokrajini*. V: Stanonik M., Potočnik I. *Vrtac – moja vas. Slovenska narečna besedila in risbe otrok iz Benečije, Rezije in Kanalske doline* (Glasovi 55). Ljubljana: Založba ZRC, 73–87.
- Ježovnik, Janoš, 2022: *Glasovne in naglasne značilnosti terskega narečja*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Krojej, Monika, 2008: *Od ajda do zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja*. Celovec; Ljubljana; Dunaj: Mohorjeva založba.
- Logar, Tine, 1983: *Slovenska narečja*. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Makarovič, Svetlana, 1974: *Škrat Kuzma dobi nagrado*. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Matiččetov, Milko, 2022: *Folklorno gradivo iz Tera – 1940: terenski zapisi Milka Matiččetovega*. B. Ivančič Kutin, R. Mrvič, M. Kropej Telban (ur.). Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

- Merkù, Pavle, 1980: O slovenskem terskem narečju. *Slavistična revija* 2, 167–178.
- Merkù, Pavle, 2004: *Ljudsko izročilo Slovencev v Italiji. Zbrano v letih 1965–1974 / Tradizioni popolari degli Sloveni in Italia. Raccolte negli anni 1965–1974*. Udine: Pizzicato Edizioni Musicale.
- Nicoloso Ciceri, Adreina, 1992: *Tradizioni popolari in Friuli*. Vol. 1, 2. (3a ed.). Udine: Chiandetti editore.
- Smole, Vera, 2001: Zahodna slovenska narečja. V: *Enciklopedija Slovenije*. Vol. 15. M. Javornik (ur.). Ljubljana: Mladinska knjiga, 35–38.
- Snoj, Marko, 2003: *Slovenski etimološki slovar* (2. izdaja). Ljubljana: Založba Modrijan, 2003.
- Stanonik, Marija, Potočnik, Iva, 2020: *Vrtac – moja vas. Slovenska narečna besedila in risbe otrok iz Benečije, Rezije in Kanalske doline* (Glasovi 55). Ljubljana: Založba ZRC.
- Špehonja, Nino, 2010: *Vocabolario nediško-italiano*. http://bos.zrc-sazu.si/c/Dial/Nadisko_narecje/Špehonja_2010_vocabolario_nedisko_italiano.pdf (22. 12. 2023)
- Tomasetig, Ada, 2010: *Od Idrije do Nediže / Dal Judrio al Natisone. Benečija – Slavia Friulana*. Udine: Chiandetti (Miti, Fabie e Leggende del Friuli storico 12).
- Zuljan Kumar, Danila, 2015: Narečja zahodnega slovenskega jezikovnega prostora. V: Dapit, R.; Ivančič Kutin, B.; Ledinek Lozej, Š. (ur.), *Le collezioni uniscono. Collezioni etnologiche, tradizione orale e turismo culturale fra le Alpi e il Carso / Zbirke povezujejo. Etnološke zbirke, ustno izročilo in kulturni turizem med Alpami in Krasom*. Udine: Università degli studi di Udine, Dipartimento di Lingue e Letterature Straniere, 175–198.
- Zuljan Kumar, Danila, 2022: *Skladnja nadiškega in briškega narečja*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Zuljan Kumar, Danila, 2022a: Pripovedi o hudiču in štrijah v terskem narečju. *Annales. Anali za istrske in mediteranske študije Annali di Studi istriani e mediterranee Annals for Istrian and Mediterranean Studies Series Historia et Sociologia* 32/1, 75–88.

SUPERNATURAL BEING ŠKRAT AMONG SLOVENES LIVING IN
NATISONE VALLEY AND TORRE VALLEY: MYTHOLOGIZATION OF
SOULS OF THE “IMPURE” DEADS IN THE FOLKLORE AND BELIEVES
OF THE ITALIAN-SLOVENIAN BORDERLAND

MARIJA V. JASINSKAJA

The concepts of gnomes among the Slovenes in Italy have their own local specificity, which distinguishes them from the representations of these characters in other regions where Slovenes live. An important role is played by such a parameter as the genesis of these demons: according to beliefs and mythological stories recorded in Slavia Friulana (the Natisone and Torre Valleys), gnomes (škrati) come from the souls of infants who died before baptism (including as a result of infanticide). This very factor determines the set of motifs and plots associated with these mythological characters: they may appear in groups, climb trees and rocks, play pranks, tangle the manes of horses, lead children into the forest and make

them wander, may help their brothers and sisters, and also avenge their mother for killing them. Their connection with the unclean dead appears to be an archaic trait, longer preserved among the Slovenes in an ethnically mixed environment, whereas in other regions where Slovenes live, gnomes (*škrati*) generally act as spirits of places. On the other hand, similar mythological characters are also noted among their Romance neighbors – the Friulians and Italians (Friulian: *Mazarot* (*Mazzarot*, *Mazzariûl*), Italian: *Boborosso*, Venetian: *Sanguanello*), which could also have influenced the perceptions of these demons among the Slovenes of Venetian Slovenia.

Marija V. Jasinskaja, PhD, researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Department of ethno-linguistics and folklore, Leninskij prospekt, 32^a, RU-119991 Moscow, jasinskaja.inslav@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9137-6668>